

воль пить, – что, конечно, несколько ее извиняет.

Ах, сколь разумно поступали древние, со всей строгостью запрещая вино детям, и еще строже женам, так что при нарушении ими запрета брак мог быть расторгнут! И лобзание уст они придумали нарочно для уличенья: прежде целовали глаза, как бы всматриваясь в окна души. А по закону Моисея тот, кого отец перед народом называл пьяницей, мог уже за одно это быть побит камнями. В самом деле, если мы пожелаем исследовать несчастья, приносимые вином, то заключим, что прав был Ликург,⁴¹⁵ когда велел искоренить лозу, на беду нам насажденную Ноем, ибо признал вино величайшим врагом человеческого разума, уподобляющим людей животным: одних львам, как Александра, который омрачил единственным пороком винолюбия (искупленным, впрочем, благодаря внезапному раскаянию) все свои блистательные добродетели: других, как Марка Антония,⁴¹⁶ – свиньям.

Не сочтем поэтому странным, что наша молоденькая германка, опьянев, покорила бесстыдному сладострастию преследователя, и он, как только воля и разумение оставили ее беспомощное тело, получил удобную возможность насытить свое разнузданное и низменное желание, пользуясь помощью горничных, прислуживавших его гнусной похоти. И нужно ли удивляться, что несчастный с наслаждением осквернил лишнюю рассудка плоть: бывало ведь, чувственный позыв приводил людей в такое беснование, что они решались утолить свое алчное вождление мертвым телом, вживе стойко противившимся их коварству. Столь же бешеной была, видно, жажда этого зверообразного любовника: грязная вода пришлась ему по вкусу, и соитие привело к тому, что было зачато дитя.

Ощувив странное бремя, простодушная Флери (не зная, откуда ему взяться) была крайне поражена и решила, что гневная Природа желает явить в ее лице какое-то омерзительное диво, сделав ее матерью раньше, чем женщиной. И когда со временем, потребным для созревания плода, ее чрево расширилось так, что скрывать это было уже невозможно, она, обливаясь слезами, открыла матери, что чувствует себя беременной, хотя никогда не знала мужчины. Безмерно возмущенная мать употребила свои права и данную ей природой власть; однако, рассудив, что сделанного не воротишь, – отчего и надлежит, по совету мудреца, старательно отвращать беду, но если она вдруг придет, сохранять терпение, – попыталась угрозами, суровостью и иными средствами выведать у дочери имя виновника позора, чтобы принять должные меры и восстановить так или иначе ее честь. Но бедняжка, подвергшаяся насилию в полном беспомыслии, продолжала настаивать на своем неведении, твердя, что не знает, как такое могло стрястись, и что она ничего подобного веки не испытала.

Со всем тем пришлось ей испытать родильные муки, и, для неопытной в этом жестоком страдании женщины, снесла она их без всякого страха, ожидая, что желанная смерть положит конец ее жизни и незаслуженному бесчестью. Ибо, благородные дамы и господа, происшедшее стало тут же известно каждому, несмотря на то, что все сохранялось, елико можно, в тайне: ведь скорее заговорят птицы (как те, что разгласили смерть Паламеда⁴¹⁷) или собаки (как та, что обличила перед царем Персии убийцу своего господина), нежели такое событие останется сокрытым. Поэтому весь город только и делал, что говорил о беременности Флери, и когда двое судачили между собой, легко было угадать предмет их беседы.

Это весьма опечалило молодого сеньора Германа (всей душой любившего Флери и желавшего, как было мной сказано в начале, на ней жениться), и он, удрученный и рассерженный недоброй вестью, удалился в сельский дом, где, замкнувшись в скорбном уединении, предался горькому сожалению о любви к неверной, которая тщеславно похвалялась несравненной чистотой, а на деле (словно мнимые постники, приходящие на пир после сытного обеда) знай веселилась тишком. Потом, когда вспомнил он красоту и достоинства, отличавшие Флери, любовь заставила его обвинить самого себя, а осужденную всеми оправдать и (она ведь слепа) едва не повязала ему наглазную повязку, скрывая то, что не могло не колоть глаза; наконец, душа его, обуреваемая противополож-

⁴¹⁵ *Ликург* – легендарный спартанский законодатель и общественный деятель.

⁴¹⁶ *Марк Антоний* (83–30 гг. до н. э.) – племянник Юлия Цезаря, военачальник и политический деятель Древнего Рима. Известна его любовь к египетской царице Клеопатре, что в конце концов и привело его к гибели.

⁴¹⁷ *Паламед* – герой древнегреческой мифологии; он враждовал с Одиссеем, который его погубил.